

15 ЯНВ 1963

Искусство

Искусство

Незаурядно красивый голос...

НА СНИМКЕ: солист Минского оперного театра Зиновий Бабий в роли Каварадосси.

Фото С. Онанова.

Шестьдесят пять лет отделяет нас от того январского вечера, когда в Риме состоялась премьера оперы «Тоска» Пуччини, быстро завоевавшей известность. Сценическая жизнь ее удивляет количеством постановок, а образы трех главных действующих лиц относятся к числу тех, которые становятся пробным камнем для любого певца, своего рода экзаменом на зрелость вокального и актерского мастерства. Закономерно поэтому внимание и интерес к каждому новому прочтению того или иного образа незакомым исполнителем.

Встреча с Каварадосси Зиновия Бабия, солиста Минского оперного театра, несомненно, приятна, но в то же время она вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, певец привлекает сильным, незаурядно красивым по тембру голосом, благородной внешностью и свободным чувством сцены, с другой стороны, слушателя расхолаживает порой неровность звучания среднего и верхнего регистра голоса

3. БАБИЙ — КАВАРАДОССИ

исполнителя, излишняя форсировка звука на верхних нотах, а иногда нечеткость речитативно-декламационных эпизодов вокальной партии. Не случайно Бабия поэтому лучше всего удались ариозо из I действия, славящее искусство и упоение красотой, оба дуэта с Тоской и, особенно, знаменитая ария из III действия «В небе горели звезды».

Как известно, Каварадосси в опере — это прежде всего мечтательный романтик, воспевающий красоту любимого искусства и совершенство любимой женщины. Гражданские чувства героя не получают яркого отражения в музыке. Тем не менее, небольшой патристический монолог Марио в сцене допроса обычно становится одним из узловых, захватывающих моментов оперы, обогащая неожиданными чертами облик порывистого, горячего юноши. У Бабия этот монолог оказался по-

просту скромным, неудачно прозвучавшим и в смысле звука, и в смысле дикции. Видимо, это следствие не до конца продуманной исполнителем общей трактовки образа, повлекшей за собой разделение всей вокальной партии на более или менее важные, с точки зрения певца, эпизоды. Отличное исполнение кантленных эпизодов, даже блестящая, богатая эмоциональными нюансами, интерпретация предсмертной арии Каварадосси не может компенсировать отсутствие цельности образа и логического развития последнего в прочтении Бабия. И это тем более досадно, что потенциальные возможности Бабия-актера, а, главное, отличного певца — несомненны.

Впереди еще три спектакля с его участием, которые предоставят З. Бабия возможность более полного и, конечно, более удачного проявления своих возможностей.

Н. ДИМИТРИАДИ.